

4 марта исполняется 140 лет
со дня смерти Н. В. Гоголя

Н. В. Гоголь. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

ЛЮБИТЬ Гоголя, и в особенности «Мертвые души», меня еще в отрочестве моем приучила Ахматова. Помню, она полуслушала называла его «хохлом», а правоту своего мнения подтверждала просто и остроумно. Анна Андреевна указывала на самое начало «Мертвых душ», на третью по счету фразу:

«Въезд его (Чичикова) не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным; только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем».

Ахматова говорила:

— Зачем здесь слово «русские»? Почему не написать просто: «два мужика»...

Однажды она при этом заметила:

— А кого он ожидал здесь увидеть? Испанских грандов?

Уже много спустя, после смерти Анны Андреевны, перечитывая очередной раз «Мертвые души», я нашел еще одно, в некотором роде вещественное доказательство ее правоты.

Чичиков просыпается в доме у Коробочки и глядит в окно на узенький дворик.

«Индейкам и курам не было числа; промеж них расхаживал петух мерными шагами, потряхивая гребнем и поворачивая голову набок, как будто к чему-то прислушиваясь; свинья с семейством очутилась тут же, разгребая кучу сора, съела она мимоходом цыпленка и, не замечая этого, продолжала уписывать арбузные корки своим порядком».

Позвольте, какие арбузные корки?

Ведь губерния, где проживает Коробочка, по свидетельству автора, — «недалеко от обеих столиц». Так откуда же здесь, в глуши, в деревне, арбузы? Все очень просто. Стоит Гоголю замуриться, как у него перед глазами никакая не Великороссия, а самая натуральная Полтавщина.

Того же мнения был и покойный В. В. Набоков. В своих блистательных заметках о Гоголе он пишет:

«...откуда Гоголю было приобрести знание русской провинции? За восемь часов, проведенных в Подольском тракте, за неделю в Курске, остальное из того, что он увидел в окне почтовой кареты, и добавил к этому воспоминания о своем чисто украинском детстве в Миргороде, Нежине и Полтаве? Но все эти города лежат далеко от маршрута Чичикова».

Ахматова и Набоков толкнули меня на некоторые существенные размышления над «Мертвыми душами», над личностью и трагической судьбой их гениального автора.

Общий замысел Гоголя известен всем со школьной скамьи. Он собирался писать трилогию по примеру «Божественной Комедии»: первый том — Ад, второй — Чистилище, третий — Рай.

Самые имена Данта и Вергилия являются на страницах «Мертвых душ», когда Чичиков, сопровождаемый Маниловым, посещает судебную палату, где коллежский регистратор «прислужился нашим приятелям, как некогда Вергилий прислужился Данту».

Но не только план трилогии, вся жизнь Гоголя в последний период наводит на мысли о великом флорентийце.

Начать с того, что жил он скитальцем, стал как бы добровольным изгнанником родины. Да и «прекрасное далек», откуда Гоголь глядит на Россию и создает свой истинный шедевр — первый том, — именно Италия.

Гоголь обращает к России страстные речи...

Дант бичует и всю Италию, и свою «вероломную» Флоренцию —

Он из Ада ей послал проклятье,
И в Раю не мог ее забыть.

Гоголь, к удивлению многих, именует свое сочинение «Поэмой».

Дант называет свое творение не только «Комедией». В начале XXV песни «Рая» читаем: «поэма священная, отмеченная и небом и землей».

У Данта «Комедия» итальянская и католическая.

Гоголь хочет создать русскую и, конечно, православную.

Но — увы! — тут «дистанция огромного размера».

За спиной Данта — схоластика целого средневековья, университеты Болоньи и Парижа.

У Гоголя — гимназия в Нежине, ну, может быть, отчасти Киевская-Могилянская академия.

За Дантом — века куртуазной поэзии.

У Гоголя лишь «Арзамас» да дружба с Жуковским и Пушкиным.

У Данта — грандиозный, вселенский, космический замысел.

У Гоголя — анекдотец о мертвых душах, подаренный Пушкиным, и хватает его, анекдотца, с натяжкой на первый том.

Дант идет сквозь смрадные круги Ада, на крутизну горы Чистилища, к царственной Беатриче, в самые Небеса, к ангелам, к святым, к Пречистой Деве Марии, к славимому в Троице Богу, к пречистой Любви, «что движет солнце и светила».

Гоголь ведет своего Чичикова мимо изумительных, карикатурно-рельефных Ноздревых и Собакевичей к плоским, картонным Платоновым и Констанджогам.

А далее куда?

Тут только многозначные намеки, туманные обещания — «колоссальные образы», «несметное богатство русского духа», «муж, одаренный божескими доб-

Я так ясно помню тот вечер — 19 октября 1965 года, как будто это было вчера. На улице уже совсем темно. В просторную комнату, которая называлась у нас в доме «столовой», входит Анна Ахматова. Она только что вернулась из Большого театра — там был вечер в память семисотлетия со дня рождения Данте. Анна Андреевна усаживается на свое обычное место на диване, под овальным зеркалом, и говорит:

— Сегодня я выступала последний раз в моей жизни.

Эти слова оказались пророческими.

(Тут следует напомнить, что Ахматова отказывалась от публичных выступлений в течение многих лет, предшествовавших этому дню, и не принимала участия даже в собраниях, посвященных ее собственному творчеству).

Ничто в моей судьбе не имело такого значения, как тот факт, что Анну Ахматову и моих родителей связывала близкая дружба.

И не просто дружба — их квартира на Большой Ордынке была, так сказать, московским домом Анны Андреевны. Данте, Шекспир, Пушкин, Гоголь, Достоевский — я постоянно слышал эти имена, произносимые Ахматовой задолго до того, как вырос настолько, что смог читать их книги.

лестями, «глубокая славянская натура», «чудная русская девица»...

(А ведь поди ж ты... Сумел ведь заразить этим напыщенным вздором самого Достоевского. Да и как заразил! Достоевский наш задним числом и у великосветского арапа Пушкина отыскал все ту же «славянскую натуру», да и «чудную русскую девицу»).

Современники были поражены и шокированы тем важным менторским тоном, каким нищий скиталец, прикидывающийся Гоголь поучает русских сановников и помещиков.

А вы читали когда-нибудь, как жалкий изгнанник Дант ругательно ругает итальянских кардиналов?

Словом, нет для меня больше сомнений: Дант, Дант, несравненный Дант — вот идеал Гоголя, вот его образец для подражания. И при том с великой горечью принужден я признать, что, несмотря на гениальный, уникальнейший дар, истинного сходства у нашего автора с великим флорентийцем совсем немного — разве что нарочитая крючкова-тость носа?

И еще одно самое печальное, самое страшное обстоятельство. Оно вполне открывается, если взглянуть на «Мертвые души» с предложенной мной точки зрения. Мы все не раз и не два читали:

«...Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И еще полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родится бес-пределной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразь в глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земля дала Русь!..»

Пассаж в своем роде изумительный. Но дайте это прочитать любому мало-мальски грамотному христианину, хоть несколько знакомому с аскетикой, и он с определенностью скажет вам: автор этих строк обуюн ужасной гордыней и находится в совершенной явной преле-сти, в прельщении падшими духами, и страшно он окончит жизнь свою, если Господь не поможет ему избавиться от наваждения.

Решительная невозможность да и не-способность осуществить свой столь же великий, сколь и нереальный замысел, свою русскую и православную «Божественную Комедию» становится личной, человеческой трагедией Гоголя, быть может, самой существенной причиной болезненного его конца.

А ТЕПЕРЬ несколько слов о том, собственно, что навело меня на все эти размышления и выводы. Ахматова когда-то говорила, что так называемые ли-

рические отступления в «Мертвых душах» нагляднее всего доказывают, что это — именно поэма. В частности, она отмечала знаменитое описание сада в имени Плюшкина:

— Это место не несет никакой смыс-ловой нагрузки, для сюжета оно совер-шенно не нужно.

Ахматова, как и почти всегда, смотре-ла в самый корень.

Набоков трактует эти места поэмы со-всем по-иному, но зато называет истин-ный первоисточник развернутых сравне-ний Гоголя — они «пародируют ветви-стые параллели Гомера».

А по моему теперешнему убежде-нию, Гоголь заимствовал это вместе с общим планом трилогии именно у Дан-та. (А уж тот, вполне возможно, имен-но в «Илиаде» и «Одиссее»).

«Ветвистые параллели» — одна из са-мых характерных черт «Божественной Комедии», и это бросается в глаза не только любому исследователю, но и во-обще читателю высокого класса.

Вот еще одно важное свидетельство Ахматовой, высказанное ею в воспоми-наниях о Лозинском:

«Михаил Леонидович говорил мне:

— Я хотел бы видеть «Божественную Комедию» совсем особыми иллюстра-циями, чтобы изображены были знаме-нитые дантовские развернутые сравне-ния. Например, возвращение счастливо-го игрока, окруженного толпою лсте-цов. Пусть в другом месте будет вене-цианский госпиталь и т. д.»

Заметим, что у Гоголя развернутых сравнений нет больше нигде — они только в его поэме.

Тут стоит вспомнить знаменитое срав-нение губернского бала с «докучными эскадронами» мух или Ноздрева, упо-добляемого «отчаянному поручику», штурмующему крепость, а также опи-сание хлопот бедного крестьянина или венецианский арсенал (XXIV и XXI пес-ни Ада). Разумеется, здесь нет и быть не может текстуальных совпадений, но не существует нечто более существен-ное — абсолютная идентичность лите-ратурного приема.

УЖЕ ПОСЛЕ того, как заметки эти бы-ли написаны, мне посчастливилось прочитать превосходную книгу К. Мо-чульского «Духовный путь Гоголя» (Па-риж, 1934). Автор весьма далек от моих догадок, да она вовсе и не требуется для полноценного воплощения его за-мысла, но у Мочульского я нашел мно-жество косвенных подтверждений свое-го мнения.

То, что Гоголь несомненно знал итальянский язык и был буквально влюб-лен в эту страну, общеизвестно. При этом невозможно предположить, чтобы Гоголь не обратил особенного своего внимания на многовековой культ Данта в Италии, не знал бы о существовании многих сотен томов комментариев, не видел бы фресок Джотто, Рафаэля, иллюстраций Боттичелли, самой знаменитой фрески Доменико ди Микелино во флорентийском соборе Санта Мария Новелла, где Дант стоит увенчанный ла-врами, держа в руке сияющую раскры-